

С тех пор как Фу Мин принял участие в литературном собрании, его репутация постепенно распространилась по столице. В отличие от прежней, преднамеренно или непреднамеренно очернённой репутации, на этот раз его хвалили известные люди столицы, говоря, что он весьма талантлив, мягок, красив и честен и действительно достоин дружбы.

Однажды, когда они покидали двор после утреннего суда, один из коллег остановил Цзинь И и со смехом сказал: «Ваш супруг пользуется прекрасной репутацией по всей столице, господин Цзинь, вам очень повезло!»

Цзинь И ответил лёгкой улыбкой, но ничего не сказал, попрощался и ушёл. Однако в его сердце поднялась рябь: «Неужели Фу Гунцзы, о котором сейчас говорят все, действительно тот самый человек из двора Фан Мань Тин?»

И эти слова постепенно дошли до внутренних покоев, даже старая госпожа и Жэньлань тоже о них слышали. Некоторые подруги Жэньлань даже надеялись через неё встретиться с этим Фу Гунцзы, но в конце концов это было неудобно, и им пришлось с сожалением отказаться. Жэньлань рассказала об этом своему старшему брату, и, шутливо, сказала: «Брат Мин так популярен, старший брат, не храни сокровище у себя, не зная об этом!»

На этот раз Цзинь И не нашёл слов и мог только промолчать.

Вскоре жаркий июнь увял вместе с лотосами. Наступил июль, и жаркая погода постепенно начала сменяться прохладной.

Именно в это время заболела старая госпожа. Фу Мину, будучи мужчиной, было неудобно за ней ухаживать. Присутствие Жэньлань, наложницы Ван и Синьюэ означало, что ему не нужно было ежедневно и ежечасно дежурить. Однако на этот раз он не сидел без дела, потому что старая госпожа поручила ему Чжаояня, очень официально, в присутствии Цзинь И и других, попросив его воспитывать Чжаояня.

Фу Мин прекрасно понимал, что это было огромное доверие со стороны старой госпожи, и Цзинь И, к удивлению, не возражал, а Жэньлань даже одобрила. Неужели эта семья всё это время незаметно проверяла его и наконец-то приняла?

Независимо от личных отношений Фу Мина с его мужем, по крайней мере, в вопросе воспитания прямого правнука семьи Цзинь его положение было определено. Фу Мин чувствовал огромную ответственность, но не отвергал её, потому что ему нужна была такая ответственность, и ему нравилось общаться с Чжаоянем.

С этого момента Чжаоянь стал проводить всё больше времени во дворе Фан Мань Тин, а Фу Мин стал уделять больше внимания его воспитанию, поведению и характеру. Хотя Фу Мин теперь был более строг, чем раньше, Чжаоянь был умным ребёнком, и он знал, что изменения в Фу Мине были ему на пользу. Иногда он капризничал, и Фу Мин, хоть и критиковал его, но после этого всё равно по-доброму объяснял ему всё до мелочей, обращаясь с ним как с рассудительным взрослым, что заставляло его безропотно покоряться. Они по-прежнему делали вместе то, что делали раньше: читали книги, ухаживали за цветами, играли и т. д. Чжаоянь стал ещё больше доверять Фу Мину и был к нему ближе.

А Цзинь И, благодаря Чжаояню, стал гораздо чаще бывать во дворе Фан Мань Тин. Иногда он

обедал там.

За столом Чжаоянь сидел посередине, а Фу Мин и Цзинь И сидели по обе стороны от него, время от времени кладя ему еду и призывая есть больше. Чжаоянь впервые ел вместе с ними двоими. В какой-то момент он вдруг опустил палочки, посмотрел налево, направо, и его глаза постепенно наполнились слезами.

«Что случилось, это слишком остро?» — Фу Мин взял платок, чтобы вытереть ему слёзы, и мягко спросил.

Чжаоянь покачал головой, шмыгнув носом и тихо сказал: «Янь-эру не больно, это... это слишком радостно».

Хотя старшие всегда хорошо относились к нему, а старая госпожа заботилась о нём с детства, потеря матери с ранних лет оставила в его сердце пустоту. Сегодня эта пустота, казалось, странным образом восполнилась, и его ещё нежное, но очень чувствительное сердце стало одновременно кислым и мягким. Лёгкое движение, и он не мог удержаться от слёз.

Фу Мин первым среагировал. Он погладил Чжаояня по голове, ничего не говоря, просто взял ещё один кусочек любимой Чжаоянем рыбы на пару, тщательно удалил кости, обмакнул в соус и положил в миску Чжаояня.

Возможно, из-за того, что он сам рано потерял родителей, Фу Мин особенно хорошо понимал чувства Чжаояня. Он вдруг подумал: не только он, но и Цзинь И тоже. В отношении нехватки семейного тепла они были совершенно одинаковы.

Раз уж ему самому суждено прожить жизнь с сожалениями, почему бы не сделать этого малыша рядом с ним более полноценным?

Возможно, у Цзинь И были такие же мысли, поэтому каждые день-два он ужинал вместе с Фу Мином и Чжаоянем. Кулинарные способности повара во дворе Фан Мань Тин действительно были лучше, чем у повара в его собственном дворе, и в последнее время у него значительно улучшился аппетит.

В это время года было много дел, в Ямэне было очень оживлённо, и даже прежде относительно свободные военные чиновники стали уходить рано утром и возвращаться поздно вечером. Время возвращения Цзинь И в поместье Цзинь немного задерживалось, но даже в этом случае Чжаоянь всё равно хотел дожидаться возвращения отца, прежде чем поужинать. Фу Мин велел повару каждый день готовить горшочек с супом, чтобы Чжаоянь, выпив суп, не голодал в ожидании ужина. Старая госпожа, будучи больной, услышала об этом от Синьюэ и, кивнув, с облегчением сказала: «Хотя он мужчина, он всё же внимателен».

Синьюэ с улыбкой сказала: «Старая госпожа, вы как всегда прекрасно разбираетесь в людях».

Старая госпожа хлопнула Синьюэ по руке и вздохнула: «Ты тоже хорошая девочка, просто Чанцзе слишком упрям, его не уговорить, тебе трудно».

Синьюэ покачала головой: «Остаться в поместье семьи Цзинь — это уже великое благословение для служанки. Покойная госпожа доверяла служанке и позволила ей быть рядом с господином, на самом деле служанка знала, что покойная госпожа беспокоилась за служанку и беспокоилась за маленького господина. Служанке не нужен никакой титул, быть в этом поместье и видеть, как маленький господин вырастет, не нарушив поручения покойной госпожи, уже достаточно».

Старая госпожа несколько раз кашлянула и тоже улыбнулась: «Хорошо, что ты сама это поняла, и на душе легче. Не волнуйся, Чанцзе не неразумный человек, семья Цзинь тебя не обидит».

Синьюэ кивнула, поглаживая спину старой госпожи, и мягко спросила её, что она хочет поесть сегодня...

А во дворе Фан Мань Тин Цзинь И, хоть и устал, всё же собрался с силами и сыграл партию в шахматы с Чжаоянем. В последнее время Чжаоянь учился играть в шахматы у Фу Мина, и как только он освоил доску и правила, он с энтузиазмом захотел померяться силами со своим отцом. Цзинь И плохо играл в шахматы, но по сравнению с ребёнком-новичком он был намного лучше и быстро победил Чжаояня.

Чжаоянь недовольно бросил шахматную фигуру и сказал: «Не буду больше играть, играть с папой хуже, чем играть с дядей Мином!» По крайней мере, Фу Мин будет учить его шаг за шагом и поддаваться ему.

Цзинь И, однако, с холодным лицом сказал: «Ты сам бросил вызов и проиграл, так умей проигрывать. Вспыльчивость — где же здесь хоть малейшее поведение молодого господина?»

Чжаоянь, услышав это, ещё больше рассердился, но почувствовал себя виноватым и замолчал.

Фу Мин подошёл, обнял Чжаояня и сказал: «Янь-эр, иди с няней отдыхать, уже очень поздно, если не ляжешь спать, завтра не сможешь встать. Когда будешь купаться, подумай о том, что произошло сейчас, и когда поймёшь, завтра мы снова поговорим об этом, хорошо?»

Чжаоянь кивнул, попрощался, и няня поспешно подошла и увела Чжаояня.

Как ни странно, Цзинь И не собирался уходить вместе с ним.

Фу Мин не стал провожать гостя, просто заварил чашку успокаивающего чая и поставил её на столик рядом с его стулом, затем спросил: «Вы не против, если я сыграю мелодию?»

Цзинь И покачал головой: «Как угодно».

Фу Мин подошёл к столику для цитры и сел. Люй Фэй подошла и положила в курильницу благовонный блинчик, сделанный из фруктового дерева и свежих цветов. Как только аромат начал распространяться, из струн полились журчащие звуки цитры. Звук цитры превратился в родник, текущий из горного ручья, по которому плывёт один красный кленовый лист, скользящий по гладким камням... Течение постепенно замедлилось, словно попав в лес, где струится лунный свет, и несколько птичьих трелей тоже падают в воду, а эхо разносится лёгким ветерком...

Цзинь И незаметно уснул, подперев голову рукой. Когда он снова проснулся, Фу Мин всё ещё играл, но уже другую мелодию, более весёлую, которая разбудила его ото сна.

Увидев, что он встал, Фу Мин тоже перестал играть и сказал: «Ночью прохладно, господин, вам лучше вернуться в комнату и поспать».

Цзинь И спросил: «Какая мелодия была той, которую ты играл вначале?»

Фу Мин легко улыбнулся: «Импровизация. Видимо, она была не очень хороша, господин даже уснул под неё».

Цзинь И покачал головой: «Мелодия хорошая. Если придумаешь название, скажи мне».

Фу Мин кивнул в знак согласия.

Цзинь И редко говорил много, но на этот раз он даже сказал: «Тогда я пойду, ты тоже пораньше ложись отдыхать».

«Эн. Господин, берегите себя». Фу Мин ответил и сказал Люй Фэй: «Принеси два фонаря, один вперёд, другой назад, и проводи господина».

Цзинь И хотел сказать, что на улице достаточно ярко от луны, и нет нужды в фонарях, но вдруг не захотел отказывать Фу Мину в этой любезности и молчаливо согласился. Уходя, он даже прихватил несколько благовонных блинчиков у Фу Мина, те самые, что испарялись на подставке для благовоний, пока Фу Мин играл на цитре. Их запах отличался от тех, что он обычно использовал, и, очевидно, это не были обычные дворцовые благовония. Но Фу Мин ничего не сказал, что эти благовония он сам разработал вместе со служанками из поместья. Возможно, в глазах достопочтенного господина Цзинь это всё же было чем-то недостойным.

Ночь была прохладной. Цзинь И неторопливо шёл по дороге, освещённой светом фонарей. На полпути он резко поднял голову: посреди неба сияла яркая луна. Мин — это имя того человека, и оно такое же ясное и яркое, как его глаза.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118415>